

Сергей БОРОВИКОВ

КОГДА ПИСАТЕЛЬ РЯДОМ

Михаил Бару. Мещанское гнездо. – М.: Захаров, 2020. – 256 с.

Я хотел бы уметь писать так, как Михаил Бару.

Такого желания у меня не возникает при чтении Гоголя или Чехова, но Бару не гений, он современник на десять лет меня моложе, и я чувствую в нём родство. При чтении других современников у меня не бывало подобного чувства, а страницы Михаила Бару не хочу покидать, хочу сам читать и другим давать. И без конца цитировать. Правда, цитата всегда покушение на смысл целого, однако ж случай Бару особенный, потому что многие его тексты так кратки, что их легко воспроизвести целиком.

«Трескучий мороз. Далеко в поле, в засыпанной снегом колее, сантиметрах в двадцати от входа в мышиную нору лежат три заледеневших и скрюченных обрывки ещё прошлогоднего, осеннего, разговора. Тот, что подлиннее – “Включай пониженную, Санёк!”, а тот, что покороче – “за трактором”. От третьего – и вовсе ничего не осталось, кроме местоимения “твою”».

Или вот: «Порывистый черный ветер, наполненный белым шумом ледяной крупы; чёрные вороны на черных ветках черных деревьев, бесконечно бредущих по берегу черной реки в черную заброшенную деревню; черный дом на краю черной заброшенной деревни; черные рыбаки, варящие черную уху и ждущие черную водку; черная водка на колёсиках черного трактора, задушившая тракториста и застрявшая в трех километрах...»

Но вот и цвет другой: «Снежинки падают так медленно, как будто девочка, которая их рисует, время от времени откладывает кисточку в сторону, подпирает щеку ладошкой, вздыхает и долго смотрит в окно, прежде чем нарисовать еще одну».

Как много содержат эти несколько десятков слов, живо распространяясь вширь и ввысь, вбок и вглубь, во вчера, в сегодня и в завтра. Здесь, кажется, вся наша жизнь, несмотря ни на что, любимая.

Но вот еще.

«Замечает. Над сухой осиной невидимая в белой мгле кружит и кружит, вырабатывая топливо, ворона».

Если бы я прочитал подобное у писателя безъязыкого вроде Романа Сенчина, проскочил бы, но текст своим рождением обязан исключительно уподоблению вороны самолёту, и в нём отсутствует столь важная у Бару многозначность. Да и не стоит на одну фразу взваливать смысловую нагрузку рассказа. Думаю, это неизбежная издержка метода писателя, который я не буду пытаться определить, лишь отмечу, что по старой привычке везде искать традицию, здесь её не обнаружил. Возможно, по недостаточному знанию отечественной словесности, но утверждаю, что до Михаила Бару в нашей прозе *так* не писали.

Разницы между его т.н. хокку и короткими рассказами не вижу. С завидной точностью причину их почти тождества сформулировал поэт и редактор журнала «Арион» Алексей Алёхин: «Среди мириадом “хайку”, “танка” и прочих японесок – кто их только не пишет теперь, на всех языках! – стихи Михаила Бару выделяются не только тем, что хороши, но и своей полной, безнадежной обруселостью. Собственно, потому они и хороши. Генеалогия этих маленьких творений восходит не только, да и не столько к классическим образчикам Басё и Иссы, но и ко всему нашему отечественному литературному хозяйству, да хоть к “деревенской прозе” – особенно если понимать ее широко, например, с охотничьих баек Ивана Тургенева. <...> получилась чудесная русская поэзия. Умная, ироничная, наблюдательная, добрая, лукавая. Крайне необходимая

измученному постмодернизмом организму нашей словесности» (Предисловие к книге: Михаил Бару. Скрипичный снег. Издательские решения, 2016).

Книгу «Мещанское гнездо» невозможно пролистать, а то может показаться, что всё одно и то же, но когда неторопливо погрузишься в чтение, окажется, что сменяющие друг друга не просто картины, а сцены русской природы, и столь же чередующиеся дачные застолья, где только домашних наливок и варений десятки, рядом с мрачными сценами идиотизма, как говаривал тов. К. Маркс, деревенской жизни – всё необъятное содержание нетолстой книги, крепко объединённое нескрываемым присутствием автора, властно, но по-приятельски легко, втягивает читающего в текст, делая его чуть ли не соавтором.

Когда я впервые обратил внимание на публикации в «Волге» автора с редкой фамилией, ещё не вчитавшись, счёл их добротным краеведением. Но о таком заблуждении точно сказал Владимир Домбровский: «Краеведения в этих записках не больше, чем в щедринских городских летописях. А вот самого Бару – через край». Щедрина критик вспомнил неслучайно: при мнимой безмятежности рассказчик хитер и коварен. Его насмешки внезапны, сарказм прячется за простодушием, приёмы неожиданны. Вот якобы забракованные слова. Например, «купите по ~~приказу~~ совету жены...» Прелестным лукавством полны и частные авторские примечания.

В кратчайшем формате писатель умеет напомнить о национальном характере. Вот всем нам понятный пассаж о необъяснимом чувстве зависти, даже и тогда, когда его и быть никак не должно. «Из окна моего на работе видны какие-то автобазы, ржавые грузовики, будки сторожей. Склады до самого горизонта и на горизонте белые многоэтажные дома. Каждый день я смотрю на эти дома, еле виднеющиеся сквозь московский смог. И мне кажется, что там хорошо – ведь там нет меня. Там тепло, там никто не работает, все сидят у окошек, пьют чай с коньяком и шоколадными конфетами “Грильяж”, читают старые толстые книжки с рассказами Чехова, забравшись с ногами в большие и уютные кресла. Там – это в Бирюлёво. Если бы Бирюлёво не было так близко, то я бы, наверное, поехал туда посмотреть».

Но едет писатель не в Бирюлёво.

Повесть Евгения Замятина «Уездное» (1912) некогда открыла читателям целую социальную общность русской жизни, которую литература, даже и Чехов, сосредоточась на столицах и деревне, ну еще губернских центрах, преимущественно обходила. Разве что Лесков...

И вот в наши дни явился Бару с его редкой приверженностью не к столицам или к селу, и не к «центрам», а к тому, позволю себе сказать, *градскому сословию*, какое широко разбросано по нашей пространной Отчизне: райцентры, бывшие некогда уездными городами, не успевшие стать промышленными, зато сохранившие исторический облик, да во многом и нравы. Хорошо знаю, что там жизнь во всех отношениях экономически тяжелее, чем где бы то ни было в России, и тем интереснее там люди.

Уездные очерки писателя, хорошо знакомые читателям «Волги», были собраны в книге «Повесть о двух головах, или Провинциальные записки», (М.: Livebook, 2014), а недавно вышли в издательстве НЛО «Непечатные пряники», с предисловием Анны Сафроновой.

В своих уездных историях и летописях писатель, кроме кропотливо освоенного местного исторического материала и личных впечатлений, щедро даёт волю своей ироничной фантазии, проявляя присущую ему яркую *историческую мечтательность*.

Она притягательна и в филологических сюжетах книги «Мещанское гнездо», где хорошо нам известное вдруг взрывается буйной и очень смешной фантазией. В разделе «Свидетели второго тома» он предлагает читателю побывать в роли «филолога-попаданца» и прямо-таки куражится над распространившимся обычаем последних ничтоже сумняшеся вмешаться в историческую реальность, как в известной шутке Пастернака, что по мнению пушкинистов Пушкин должен был жениться на Щеголеве и жить до 90 лет. Уверенность подобных господ в собственном уникальном знании и

понимании истории нестерпима для Бару: «...попал в позапрошлый век. Ударил по руке с пистолетом Дантеса или Мартынова. Изменил траекторию пули и был таков. <...> Как сделать так, чтобы расстроить свадьбу Пушкина с m-elle Гончаровой и женить его на Анне Вульф, которая его действительно любила или отучить самого Александра Сергеевича играть в карты, или научить... да в жизни Пушкина не знаешь, за что и хвататься. Подстеречь в темном переулке Булгарина...»

Эту беспощадную эскападу не хочется прерывать: «Ещё не забыть закодировать Аполлона Григорьева и Есенина. Лилю Брик познакомить с Ольгой Леонардовной, купить им два билета в каюту первого класса на пароход, идущий в Австралию или в Японию, и пусть себе плывут...»

Мне кажется, что здесь в авторе просыпается профессиональный химик и технарь, которому очень не по душе филологическая брехня.

Однако ж и сам он филолог не из последних, и немало точнейших наблюдений разбросано во многих его текстах. Подметил, что в «Анне Карениной», где «всё ужасно серьёзное, требующее внимательного, вдумчивого чтения. Толстой, Толстой и еще раз Толстой. И внезапно, в сцене, где адвокат Каренина <...> вдруг молниеносным движением ловит моль и снова почтительно замирает... Ну ведь Гоголь же...»

Здесь я чуть покушусь на приоритет Михаила Борисовича и вспомню, что на эпизод с адвокатом и молью когда-то обратил внимание мой покойный друг доктор Илья Петрусенко. И он же указал на место в «Анне Карениной», где на слова Левина об измене жене «...всё равно как бы я теперь, наевшись, тут же пошел мимо калачной и украл бы калач», Облонский отвечает: «Отчего же? Калач иногда так пахнет, что не удержишься».

Вспомнил я своего покойного друга к тому, что при чтении Михаила Бару постоянно чувствуешь присутствие автора как человека близкого понимания жизни и литературы, словно сам готов в знак согласия толкнуть его локтем или чокнуться. Это проза, близкая русскому сердцу, проза современника, который видит и чувствует ну совсем как я, как мы, только видел побольше, осмыслил поглубже и рассказать умеет получше.